

Министерство образования и науки Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН

ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА И ПСИХОЛОГИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Под редакцией
В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко

Краснодар
2010

УДК 159.923:37/315.851

ББК 88.5:53.57

П 86

П86 Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. 371 с. 100 экз.
ISBN 978-5-8209-0727-2

В монографии анализируются актуальные проблемы психологии субъекта и человеческого бытия, а также проблемы личности как субъекта бытия и со-бытия со значимыми другими. Многолетнее продуктивное обсуждение российскими психологами названных проблем показывает востребованность этого направления и его открытость как развивающейся системы научных воззрений, допускающей множественность теоретических решений, разнообразие теоретических моделей и подходов.

Парадигмальная толерантность и сетевой принцип организации знания – характерные черты современной постнеклассической науки. На пересечении научных достижений представителей различных научных направлений, в их коммуникации постигается наиболее точно исследуемый феномен. Психология субъекта, психология человеческого бытия, субъектно-бытийный подход к личности, другие близкие по своим теоретическим утверждениям направления современной психологии в непрерывном полилоге создают научное знание о психологических закономерностях и феноменологии человека, являющегося субъектом бытия.

Адресуется психологам, социологам, философам, культурологам и ученым других специальностей.

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ.

Проект 10-06-38681 г/ю.

УДК 159.923:37/315.851

ББК 88.5:53.57

ISBN 978-5-8209-0727-2

© Кубанский государственный университет, 2010

3. ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

3.1. ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Психология человеческого бытия, научный фундамент которой заложили В. Франкл, С.Л. Рубинштейн и А.В. Брушлинский, сегодня является одной из перспективных и динамично развивающихся областей психологического знания. В конце XX в. ее контуры были четко обозначены посредством описания теоретических оснований, предмета, целей, методов. В наше время психология человеческого бытия продолжает интенсивно развиваться (Субъект..., 2005; Личность..., 2008). В этих условиях актуальна необходимость углубления и расширения научных представлений о человеческом бытии. Понятийный аппарат психологии должен обогатиться и более ясными «психологическими» дефинициями человеческого бытия, и более точным определением предмета исследования.

В данном параграфе человеческое бытие рассматривается с трех точек зрения. Во-первых, как такое единичное, в котором потенциально воплощено общечеловеческое и которое порождается в межсубъектном пространстве. Во-вторых, как многомерный мир, разные уровни действительности, соотнесенные со способами существования людей. В-третьих, как плоскость психологического анализа, в которой основную роль играют ценностно-смысловые составляющие человеческой жизни, воплощенные в ментальном и главным образом экзистенциальном опыте субъекта. Сущность человеческого бытия невозможно описать без обращения к более широкому, чем конкретно-психологический, – философскому контексту анализу этого понятия. Как известно, категория «бытие» принадлежит к основополагающим понятиям философии. Под бытием понимается сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. В западной экзистенциальной философии и психологии понятия «бытие» и «существование» различаются. По мнению экзистенциалистов, бытие относится к окружающему человека природному и социальному миру, а существование – к внутренней жизни, индивидуальному Я. Основной мотив различения заключается в том, чтобы под-

¹ Автор данного параграфа – В.В. Знаков. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант 10-06-00073а).

черкнуть, что мир всегда стремится подавить индивидуальность, сделать ее частью общего безличного бытия. Естественным следствием противопоставления бытия и существования, противоречия между ними становится возникновение у человека чувства одиночества, тревоги, тоски, ощущения бессмысленности жизни.

Принципиально иначе проблема соотношения бытия и существования решается в русской экзистенциальной традиции, в частности, в персоналистической философии Н.А. Бердяева. В ней устанавливается различие между личностью и индивидуумом. Индивидуум есть категория природная и социальная. Индивидуум – это неделимая часть целого (рода или общества), вне которого он не может быть назван индивидуумом. Он характеризуется стремлением к эгоистическому самоутверждению. «Поэтому индивидуализм, производный от слова “индивидуум”, совсем не означает независимости по отношению к целому, к процессу космическому, биологическому и социальному, а означает лишь изоляцию подчиненной части и бессильное восстание её против целого» (Бердяев, 2006, с. 38). По Бердяеву, человек есть микрокосм, универсум, но в качестве не индивидуума, а личности. Именно с личностью связана идея человека, его призвания в мире. Личность – это духовная категория, она характеризует свободу и независимость человека по отношению к природе, обществу, государству. Личности чуждо эгоистическое самоутверждение, наоборот: «Персонализм не означает, подобно индивидуализму, эгоцентрической изоляции. Личность в человеке есть его независимость по отношению к материальному миру, который есть материал для работы духа» (Бердяев, 2006, с. 39).

Нельзя не заметить, что содержание бердяевской категории «личность» в современной психологии во многом соответствует определению субъекта А.В. Брушлинским. Субъект «всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен. Не только общество влияет на человека, но и человек как член общества – на это последнее. Он – и объект этих влияний, и субъект, в той или иной степени воздействующий на общество. Здесь не односторонняя, а именно двусторонняя зависимость. Тем самым признается абсолютная ценность человека как личности с безусловными правами на свободу, саморазвитие и т.д. Такова основа основ гуманистического подхода к проблеме человека» (Брушлинский, 2006, с. 507).

В западной науке корни противоречия между бытием и существованием следует искать именно в индивидуалистической трактовке человека как существа хотя и социального, но эгоцентричного, направ-

ленного прежде всего на отстаивание своих интересов и удовлетворение собственных потребностей. Пути разрешения указанного противоречия, намеченные в персоналистической философии Бердяева, в отечественной психологической науке нашли наиболее полное воплощение в субъектно-деятельностном подходе С.Л. Рубинштейна, психологии субъекта А.В. Брушлинского и таком современном варианте их развития, как психология человеческого бытия. В рамках названных концепций онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основываются на том, что мир, включающий других людей, анализируется как предпосылка подлинного существования субъекта. Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, отношения и переживания, созерцания и постижения. Следовательно, бытие включает в себя реально существующего субъекта.

Поскольку психология человеческого бытия имеет непосредственное отношение к субъектно-деятельностному подходу, то необходимо указать отличительные признаки, по которым можно различить психологию субъекта и психологию человеческого бытия. Отметим три основных различия.

1. Психология человеческого бытия есть часть психологии субъекта и, следовательно, уже по содержанию и решаемым задачам. В постнеклассической психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех предыдущих исследований А.В. Брушлинского. К ним относятся: вопрос о наследственных предпосылках психического развития, соотношении биологического и социального в развитии личности; принцип детерминизма, соотношение внешних причин и внутренних условий в детерминации психики; проблема дискретности – недизъюнктивности и непрерывности организации психических процессов; проблема общественного – индивидуального в психике человека и культурно-историческая теория мышления; мышление как процесс и проблема деятельности; идущие от Рубинштейна исходные положения субъектно-деятельностной теории и проблема субъекта в психологической науке; наконец, психология субъекта как целостная область психологического знания, психология созидания, ориентированная на анализ таких ценностей, как свобода, духовность, нравственность, гуманизм. Психология человеческого бытия имеет непосредственное отношение только к двум последним проблемам: она направлена на анализ *смысловых и ценностных контекстов жизни субъекта, в которых формируются и проявляются его субъектные качества.*

2. Психология человеческого бытия основана не на *субъектно-деятельностном*, а на *субъектном* подходе в психологии. Очевидно, что жизнь человека нельзя рассматривать только как непрерывную череду сменяющих друг друга деятельностей. Это означает признание того, что в формировании психики большую роль играют недейательностные по своей природе феномены – общение, переживание, созерцание, постижение и др. Выход за пределы сиюминутного деяния, целенаправленная устремленность на реализацию своего призвания или дела, которому служишь, не только побуждают человека к связыванию воедино прошлого, настоящего и будущего своей жизни. Все это способствует развитию субъектности, формированию и реализации субъектных качеств человека, начиная с младенческого возраста и до старости.

3. Творческое развитие психологии субъекта А.В. Брушлинского сегодня привело психологов к осознанию того, что ее предмет неоднороден, он включает и субъекта деятельности, и субъекта развития, и субъекта жизни (Сергиенко, 2007). Психология человеческого бытия изучает преимущественно *субъекта развития* и *субъекта жизни*. Об этом свидетельствуют, в частности, уже проведенные исследования: понимания субъектом манипулятивного поведения; половых, гендерных и личностных различий в понимании испытуемыми разного возраста моральной дилеммы; понимания моральной допустимости абортов и эвтаназии; половых и возрастных различий в когнитивных и экзистенциальных компонентах самопознания и самопонимания; понимания и переживания россиянами террористической угрозы. Как названные, так и другие исследования ориентированы на выявление не *процессуально-деятельностных*, а *результативных* составляющих понимания субъектом мира в разные периоды его жизни.

Для психологии человеческого бытия основополагающей и принципиальной является научная позиция С.Л. Рубинштейна. Он подчеркивал, что можно говорить о бытии, не зависящем от человека и существующем до него, однако научное исследование бытия невозможно без включения в него человека. Дело в том, что с появлением человека, «возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как “мир”, соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое

существование отличается от всякого другого» (Рубинштейн, 1997, с. 63).

Следовательно, появление в процессе развития человека приводит к тому, что предыдущие уровни бытия выступают в новом качестве, потому что включаются не только в природный, но и социальный мир. Введение Рубинштейном категории «мир» в контекст психологического анализа соотношения бытия и сознания стало важной вехой в развитии методологических оснований психологии. Мир как философско-психологическое понятие может быть понят только сквозь призму высшего продукта развития бытия – человеческого бытия. Мир – это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений. Человек является той частью бытия, которая осознает сущее, целостное бытие. Вследствие человеческой активности мир представляет собой бытие, которое изменяется действиями в нем субъекта. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. И одним из главных из них является специфика понимания мира субъектом. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его.

Познающий и понимающий ситуации человеческого бытия субъект – это одновременно и уникальный человек, и универсальный представитель человеческого рода. Он потенциально воплощает в себе группу, содружество эмпирических субъектов. Человеческое бытие не тождественно жизни индивидуального субъекта. Это понятие скорее соответствует рубинштейновской категории мира как совокупности вещей и явлений, соотнесенных с взаимодействующими людьми, как организованной иерархии различных способов существования. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности, сознание и самопонимание общающихся людей), в котором потенциально представлено общее – весь мир, все человечество. Отсюда следует, что человеческое бытие может понимать себя. Понимающее себя бытие представляет собой диалектическое единство самопонимания взаимодействующих субъектов и группового понимания. Такое понимание порождается в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Оно базируется на общей платформе принимаемых определенными группами людей норм, ценностей, смыслов.

Положение о том, что сознание и самопонимание субъекта формируются не только «внутри» него, но и вовне, в пространстве чело-

веческого бытия, нетрудно найти в работах С.Л. Рубинштейна, развивают его также и современные ученые. «Отношение другого "я" к моему "я" выступает как условие моего существования. Каждое "я", поскольку оно есть и всеобщность "я", есть коллективный субъект, содружество субъектов, "республика субъектов", содружество личностей; это "я" есть на самом деле "мы". Субъект науки – это человечество, субъект речи – это вместе с индивидом и народ (его язык)» (Рубинштейн, 1997, с. 68). В отечественной психологии сознание человека долгое время рассматривалось как производная от его деятельности и общественного бытия. Сегодня точка зрения на происхождение и природу этого феномена изменилась. В гуманитарных науках распространенным является утверждение о том, что интра- и интерсубъективность сознания и самосознания человека и группы не противостоят друг другу как две разные реальности. Например, Ф.Т. Михайлов полагает, что индивидуальное и общественное сознание «одновременно, как нечто единое, нерасчлененное творятся и творчески воссоздаются обращениями людей друг к другу и к самим себе» (Самосознание..., 1997, с. 2). Современные психологические исследования свидетельствуют о том, что сознание «находится не столько в индивиде, сколько между индивидами. Конечно же, сознание – это свойство индивида, но в не меньшей, если не в большей мере оно есть свойство и характеристика меж- и надындивидных или трансперсональных отношений» (Зинченко, 1991, с. 21).

Развитие методологии современного научного познания привело к тому, что понимающее себя бытие уже воспринимается учеными не как метафора, а как такая же реальность, как коллективное познание. «Индивидуальное познание понимается в качестве компонента коллективного познавательного процесса. Другой индивид, без взаимодействия с которым невозможен мой познавательный процесс, – это не конструкция моего сознания (или моего мозга, как сказали бы радикальные эпистемологические конструктивисты), а в некотором смысле часть меня самого. Без него я не был бы самим собою, не существовало бы моего Я, не было бы возможно и познание в его специфически человеческих формах» (Лекторский, 2009, с. 35). Неразрывная связь индивидуального познания с групповым, понимание не только как процедура разума конкретного субъекта, но и как способ существования человека в мире и в конечном счете понимающее себя бытие – все это результаты встречного движения субъекта и объекта. У Рубинштейна взаимодействие субъекта и объекта реализуется во встречном движении: мира, который показывается субъекту, обнаруживается, «дает себя отражать», и целеустремленной направленности

человека, овладевающего миром и преобразующего его. Порождающая творческая специфика ситуаций человеческого бытия, представленных во внутреннем мире субъекта, определяет то, как он видит и понимает не только события, факты, фрагменты жизни.

Современные методологи социально-гуманитарного познания (в частности, Р. Харре) указывают на то, что «генезис знания и мнения – не простое однонаправленное отношение от познаваемого объекта к некоторому состоянию или процессу в познающем. Оно не только опосредуется системами символов и образов, служащими для представления того, что познается, – это отношение взаимно. Познающий воздействует на познаваемый объект, вынуждая его открывать познающему свои различные аспекты. В психологии восприятия говорят, что познаваемый объект *предоставляет* свои определенные аспекты человеку, который к нему обращается. Что именно предоставляет объект, зависит от способа взаимодействия между объектом и познающей его личностью» (Харре, 2009, с. 71). Неудивительно, что устремленность субъекта (особенно группового) и объекта навстречу друг другу порождают между ними такое единство, в том числе чувственное и интеллектуальное, которое дает основание говорить о пространстве коллективного сознания и понимающем себя бытии как онтологически существующих данностях.

Итак, **первая** особенность человеческого бытия состоит в том, что его нельзя рассматривать как индивидуальный жизненный путь, оно в большей степени соответствует рубинштейновскому «миру»: это совокупность психологических реальностей, возникающих внутри разных ситуаций в точках пересечения взаимодействий индивидуальных и групповых субъектов.

Вторая характеристика человеческого бытия следует из многомерности мира, наличия разных уровней действительности, соотнесенных со способами существования людей. Рубинштейн неоднократно обсуждал проблемы разных типов действительности и уровней бытия. Например, он писал: «Соответственно со становлением человека как высшей формы (уровня) бытия в новых качествах выступают и все нижележащие уровни или слои. Тем самым встает вопрос о человеческих предметах как особых модусах бытия» (Рубинштейн, 1997, с. 21). Наличие принципиально разных типов действительности и объективных ситуаций человеческого бытия порождает у ученых вопросы не только о неоднородности предметов психологических исследований, но и о «многоэтажности» (Кричевец, 2005) самой психологии. В самом общем виде можно говорить о трех наиболее заметных традициях исследования психики – *когнитивной, герменевтической и экзи-*

стенциальной. Каждой из них соответствует определенный тип понимания психологом проблем, предмета, методов и результатов исследования – понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Трем типам понимания соответствуют оценки истинности, правильности и правдивости высказываний, понимаемых людьми в коммуникативных ситуациях (Знаков, 2009). Названные традиции возникли не случайно, в них отражены различия ситуаций человеческого бытия.

Первый тип ситуаций нидерландский историк и философ Ф. Анкерсмит определяет как «принуждение опытом» (эмпиризм): говоря о реальности, субъект (в частности, историк) только описывает ее в терминах отдельных утверждений о событиях, обстоятельствах, каузальных цепочках и т.д. При этом субъект выступает как эмпирик, подчиняется принуждению опыта (Анкерсмит, 2007). В нашей жизни немало таких ситуаций взаимодействия с объективной и очевидной для всех действительностью. Знания о таких ситуациях (в том числе изучаемых психологами), выраженные в высказываниях о них, могут быть *только* истинными или ложными. Истинность или ложность высказываний о ситуациях проверяется эмпирически, путем их сопоставления с объективной действительностью. Понимание истинности подобных высказываний («трижды три равно девять») не зависит от индивидуально-психологических характеристик понимающего субъекта. Только в довольно небольшом количестве ситуаций человеческого бытия, оказывающихся предметами психологических исследований, люди делают утверждения, которые можно характеризовать *только* в категориях истинности/ложности. Например: «Невский проспект находится в Москве». Или, если мне кто-нибудь скажет, что у меня по плечу ползет скорпион, то я поверну голову и смогу убедиться в обратном. Применительно к подобным ситуациям (и только к таким) можно говорить об универсальности и общезначимости истины: два плюс два равно четырем и в Азии, и в Африке, на Северном и Южном полюсе.

Второй тип: в человеческом мире люди постоянно попадают в ситуации, описания которых невозможно характеризовать как истинные или ложные. Например, этого нельзя сказать по отношению к высказываниям о том, какую профессию лучше выбрать выпускнику школы – химика или дизайнера. В таких случаях суждения являются мнениями, в которых присутствуют и объективные, и субъективные компоненты. Мнения можно характеризовать только как *правильные* или *неправильные*. В основе квалификации высказывания как правильного лежит согласованное мнение людей о должном, о правилах и

нормах поведения. Например, в словаре русского языка С.И. Ожегова *правильный* – это не отступающий от правил, норм, такой, как должно (Ожегов, 1988, с. 467). Представления о должном, лежащие в основе признания высказываний, текстов правильными или нет, формируются на основе соглашений, принимаемых большими и малыми социальными группами. Правильность всегда относится к чему-то или кому-то конкретному. Во-первых, существуют соглашения о том, какие свойства людей и предметов в конкретной ситуации следует считать допустимыми, а какие нет. Во-вторых, в межличностном общении правильными или неправильными могут быть высказывания с позиции либо говорящего (автора), либо слушающего (читателя).

Основания понимания и оценки суждений как правильных или неправильных изменялись в процессе изменения научных парадигм социогуманитарного познания: ученые стали принимать во внимание не только субъект-объектные, но и субъект-субъектные составляющие мира человека. В герменевтике понимание первоначально рассматривалось как способ выявления, экспликации того, что уже предзадано, заложено в тексте. Процедуры обнаружения смысла текста в процессе его интерпретации реконструировали изначальный замысел автора. Однако после публикации работ В. Дильтея, М. Вебера и А. Шютца произошла универсализация процедур понимания, которые стали рассматриваться как основа познания, особенно в области социальных наук. Распространенной стала точка зрения, согласно которой в процессе понимания происходит продуцирование новых знаний. Это следствие трактовки понимания как интерпретации: объясняя знания на одном уровне, понимающий субъект подготавливает почву для переинтерпретации фактов на более высоком уровне. В результате интерпретация становится основой для объяснения понимаемого. Таким образом, культурно-историческая эволюция интерпретации правильности-неправильности разнообразных описаний мира заключается в постепенном смещении фокуса внимания ученых с анализа точки зрения субъекта-автора к исследованию знаний о мире субъекта-читателя, на основе которых он выстраивает свою интерпретацию описанной ситуации. Эволюция соответствует диалектике развития социогуманитарного познания: на смену монологической направленности ученых на анализ субъект-объектных взаимодействий пришли размышления о размытости границ между субъектом и объектом во многих ситуациях человеческого бытия. Неизбежным следствием этого стала неразличимость авторской позиции в семантическом пространстве мира человека. Неудивительно, что в XX в. известность и широкое распространение получили метафорические высказывания

Р. Барта, М. Фуко и других замечательных мыслителей о смерти автора, смерти субъекта. Большой резонанс этих высказываний в среде интеллигенции можно объяснить с двух точек зрения.

Во-первых, это смещение акцента с традиционного для структурного психоанализа и психологии художественного восприятия изучения решающей роли автора в понимании написанного. Типичными авторскими текстами можно назвать всю русскую классику – Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и др. Их понимание фактически сводилось к такой читательской интерпретации, которая была направлена на выявление авторского замысла. Сегодня мы нередко вынуждены отказываться от иллюзии, что смысл сказанного субъектом исчерпывается тем, что он сказал. Законченное стихотворение, написанная книга или диссертация отчуждаются от автора и включаются в множество социальных и культурных контекстов. Жесткую соотнесенность значения его с конкретным объектом заменяет неисчерпаемость множества возможных культурных интерпретаций. Вспомним у Шекспира: «Что имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови, хоть нет...» Однако в современной культуре роза – это и красота, и радость, и любовь, и женственность, и гармония мироздания. Выбирая те или иные значения, мы указываем на свою принадлежность к определенной культурной традиции. Тем самым мы присоединяемся к одной из культурных интерпретаций, *утрачивая индивидуальность*. Как нередко говорят герои боевиков, «ничего личного», т.е. субъективного. Следовательно, как в общении, так и при чтении происходит восстановление в правах нового субъекта – не автора, а слушателя и читателя.

Во-вторых, в человеческом бытии есть немало событий и ситуаций с размытыми границами между субъектом и объектом. Р. Барт приводит фразу из новеллы Бальзака: «То была истинная женщина, со всеми ее внезапными страхами, необъяснимыми причудами, инстинктивными тревогами, беспричинными дерзостями, задорными выходками и пленительной тонкостью чувств» (Барт, 1989, с. 384). И Барт ставит правильный вопрос: как определить, *кто* это говорит? Бальзак-человек, рассуждающий о женщине на основании своего личного опыта? Или Бальзак-писатель, исповедующий «литературные» представления о женской натуре? Или же это общечеловеческая мудрость? А может быть, романтическая психология? Узнать это нам никогда не удастся по той причине, что в письме как раз и уничтожается всякое понятие о голосе, об источнике. Отчужденный текст – это уже та область неопределенности, в которой *теряются следы субъективности автора*, исчезает самоидентификация пишущего. Зато смысловые

акценты интерпретации и ответственность за нее смещаются на другого субъекта – читателя.

Однако, безусловно, глубокие и содержательные рассуждения названных мыслителей лишь подчеркивают метафоричность выражения «смерть субъекта». В контексте психологии человеческого бытия, не тождественного индивидуальному жизненному пути, такие рассуждения по-новому ставят старую проблему диалогичности бытия и сознания: нельзя ограничиваться анализом одного субъекта-автора, нужно учитывать и субъекта-читателя. Именно субъект, говорящий или слушающий, пишущий или читающий, интерпретирует те ситуации, о которых говорится или пишется. А интерпретация становится основой понимания событий и ситуаций человеческого бытия.

Интерпретация – это всегда один из возможных *способов* понимания, порождения субъектом смысла понимаемого. Понимание всегда включает в себя потенциальную возможность разных типов интерпретации содержания понимаемого, т.е. рассмотрения его с разных точек зрения. Неудивительно, что понимание одних и тех же высказываний в диалоге, текстов, социальных ситуаций оказывается неодинаковым при их интерпретировании преимущественно на основе знаний, установок автора или читателя, а также зависимой и независимой самоинтерпретации партнеров по общению (Grace, Cramer, 2003; Singelis, 1994).

Интерпретация субъектом ситуации основана не столько на установленных эмпирических фактах, сколько на личностном знании о мире. Интерпретация – это репрезентация не всей ситуации (это невозможно), а только одной из точек зрения на нее, которая, по мнению субъекта, является правильной и оптимальной для понимания. Иначе говоря, интерпретация социальной реальности основана не только на эмпирических фактах, но и на применяемых знаниях, нормах и представлениях о правильном описании действительности. Следовательно, интерпретация неразрывно связана с индивидуальными способами конструирования мира: она направлена на акцентирование внимания партнеров по общению на таких деталях ситуации, которые кажутся ценными и значимыми субъекту, но могут быть не замечены собеседниками. Сам познающий и понимающий мир субъект является не бесстрастным фиксатором «объективной» действительности. Он выступает в роли посредника, герменевта, толкователя ситуации для других людей. В отечественной психологии убедительное подтверждение этого утверждения можно найти в проведенных в рамках герменевтической традиции исследованиях В.А. Лабунской, посвященных интерпретации невербальных признаков поведения (Лабунская, 2009), а

также в выделении А.А. Пузыреем двух видов интерпретации в работе Л.С. Выготского о Гамлете (Пузырей, 2005).

Интерпретируя, понимающий субъект упорядочивает факты, реальность посредством своих познавательных стратегий, основанных на идеалах объективности, представлениях о научной рациональности. В современной науке уже общепринятым стало признание того, что интерпретация неминуемо вносит искажения в ситуации человеческого бытия, изначально им не присущие. Тем не менее «объективное искажение реальности» (Анкерсмит, 2007) является основанием науки и углублением научных представлений о реальности. Именно так нами понимается собственная интерпретацию идей А.В. Брушлинского: если в его психологии субъекта не было чего-то, что появилось в психологии человеческого бытия, то это не субъективистское искажение, а нормальное научное развитие (Личность..., 2008, с. 31–37).

Третьим типом ситуаций человеческого бытия, не дающих субъекту возможности истинного или правильного описания, являются экзистенциальные. Рассказы о них могут быть либо правдивыми, либо нет. В этих ситуациях субъект обычно может только постичь возникающие проблемы, так как у него нет достоверных знаний и осознанных мнений, на основании которых их можно решать. Экзистенциальные проблемы субъект не может решить, опираясь исключительно на знания, рациональный когнитивный опыт. Значимую роль в решении играет экзистенциальный опыт. Экзистенциальный опыт субъекта состоит по крайней мере из трех компонентов – тезаурусного, интенционального и этического.

Основой тезаурусного компонента выступает неявное знание. Оно, как правило, не эксплицировано, не вербализовано, включает навыки и умения, которые нам присущи, однако не осознаваемы. В интенциональной составляющей экзистенциального опыта значительное место занимают переживания, оказывающиеся непременным атрибутом интенциональной направленности субъекта во всех ситуациях человеческой жизни. Этический компонент, анализу которого такое большое значение придавал С.Л. Рубинштейн, образуют моральные представления и нормы поведения, включенные в нравственное сознание субъекта. Они отражают как прошлый опыт общения с людьми, так и возможные алгоритмы поведения в будущих ситуациях межличностного взаимодействия. Вместе с тем необходимо подчеркнуть принципиальную невозможность полного осознания морально должного. Как показывают современные исследования (Хаузер, 2008), далеко не все моральные правила и нормы осознаваемы. Опираясь именно на экзистенциальный опыт, человек решает жизненно важные

экзистенциальные проблемы. Такие проблемы имеют для каждого из нас не столько конкретное ситуативное значение, сколько более продолжительное, имеющее отношение к экзистенциальному осмыслению смысла жизни, формированию ценностных приоритетов событий и явлений.

Почему понятие экзистенциального опыта имеет большое значение для психологии человеческого бытия? Ответ на этот вопрос, во-первых, в неявном виде содержится в исследованиях А.В. Брушлинского: все, что относится к опыту, должно рассматриваться в континууме между субъектом и миром. Во-вторых, экзистенциальный опыт – это то, что нельзя выразить в категориях ни сознания, ни бессознательного: он представляет собой сплав языка как формы общественного сознания и невербализуемой субъективности, унифицированного общего в человеке и его трудно выразимой словами индивидуальности. В современной науке «слово “опыт” превышает его понятие и выходит за пределы возможности языковых средств его выражения. Оно подчеркивает нечто абсолютно уникальное, что нельзя выразить в слове, – индивидуальный опыт или опыт группы. Для понимания опыта нельзя придумать конвенции: только сам субъект опыта знает, что он получил. Например, невозможно сделать сексуальный опыт одного человека хоть как-то понятным другому, так же как и мужчине нельзя выразить опыт женщины» (Кукарцева, 2010, с. 17). Брушлинский ясно осознавал важность и значимость опыта для развития современной науки, это видно на примере его размышлений об историческом опыте. Как отмечает Ф. Анкерсмит, применительно к истории чрезвычайно трудно сказать, где заканчивается субъект и где начинается объект, и наоборот. Между ними всегда существует определенная континуальность (именно она неизменно оказывалась в фокусе внимания Брушлинского) и потому очень трудно определить, что чему конкретно принадлежит: где заканчивается наше прошлое и где начинается настоящее, в котором мы живем (Анкерсмит, 2007). Обратной стороной континуальности является так называемая трансгрессия: где тот водораздел, граница, на которой встречаются субъект и объект? Естественно, что эти вопросы очень волновали Андрея Владимировича.

Брушлинский категорически возражал против того, что *усвоение* исторического опыта есть главный и единственный механизм психического развития (Брушлинский, 2003, с. 60). Возражения аргументировались, во-первых, тем, что развитие нельзя сводить к пассивному процессу усвоения. Причем усвоения, рассматриваемого в одном направлении, – от общества к индивиду. Как известно, это было типичным для тоталитарного периода развития нашей страны. Во-вторых,

он говорил о том, что при рассмотрении усвоения как основного механизма психического развития недооценивается или даже отрицается собственно психологический аспект проблемы. Если усвоение само по себе есть механизм психического развития, то оно уже не нуждается во внутренних условиях своего осуществления.

Современная наука свидетельствует о том, что внутренними условиями существования исторического опыта в психике субъекта является не только то, что связано с *познанием* прошлого. «Исторический опыт» – это категория, содержание которой не может исчерпываться знанием. Научный анализ исторического опыта требует от ученых перехода от гносеологического анализа *познания* субъектом мира к онтологическому исследованию его *существования в мире*. Для психолога это означает необходимость исследования не только ментального, но и экзистенциального опыта субъекта. В этом контексте в качестве внутренних условий следует рассматривать такие явно полностью не осознаваемые феномены, как оправдание, принятие и преодоление индивидуальным и групповым субъектом прошлого своей страны.

Людям нередко трудно принять прошлое как свое собственное. Это убедительно показано в фильме Т. Абуладзе «Покаяние» применительно к сталинскому режиму, а в статье Гернота Бёме «Смысл и противосмысл» (Bohme, 1994) – к осмыслению немцами исторического опыта фашистской Германии. С позиций психологии человеческого бытия, совладание с тягостным прошлым – это необходимое условие порождения субъектом горизонта смысла жизни в современном мире. Интуитивно отвергаемые, неусвоенные части прошлого, такие, как сталинские репрессии или история Третьего рейха, сначала интегрируются с событиями, происходившими в иное время и в других странах. Затем они получают объяснение и даже приводят к оправданию. Подчеркивается, что эти события – всего лишь история. Следующий шаг в переосмыслении обществом прошлого обычно заключается уже не в дебатах, вскрывающих разногласия в суждениях о фактах, а в диалогических размышлениях об их моральных и политических последствиях. В Германии попытка ассимилировать в историю развития морального самосознания нации даже факт национал-социализма с его жестокостью способствовала отказу людей от бремени прошлого. Ассимиляция помогла возвращению немцев к нормальной жизни, осознанию непрерывности истории, неразрывной связи прошлого с настоящим. По мнению Бёме, в конечном счете это привело к возрождению чувства собственного достоинства нации (Bohme, 1994). Именно таким образом, на основе *преодоления* происходит понимание и при-

нятие людьми прошлого своей страны, в частности, поступков своих предков.

Итак, *оправдание, принятие и преодоление* оказываются внутренними условиями психического развития субъекта, пытающегося интегрировать прошлое с настоящим для того, чтобы достойно и осмысленно жить в современном мире. С позиций психологии человеческого бытия очевидно, что названные феномены формируются на основе не только когнитивных схем, ментального опыта. Поскольку они возникают и проявляются в ситуациях человеческого бытия, то очевидно, что они имеют непосредственное отношение также к *экзистенциальному* опыту субъекта. Применительно к психологии субъекта это означает необходимость сочетания гносеологического и онтологического анализа проблемы.

Внутренние условия – неотъемлемая часть онтологии существования человека в мире и становления его субъектных качеств. В субъектном подходе внутренние условия процессуальны: они формируются и проявляются в процессе изменения, динамики становления и развития самого субъекта. Следовательно, аксиомой является и то, что сам субъект изменяется в процессе развития.

Иначе, но удивительно созвучно эту проблему ставит и решает М. Фуко в «Герменевтике субъекта» (Фуко, 2007). Он считает, что истинное знание недоступно такому субъекту, каков он есть. Истина не дается субъекту простым актом познания: для ее достижения нельзя ограничиться гносеологическим анализом, необходимо учитывать и онтологию существования субъекта, его усилия, направленные на изменение себя. Преобразования субъекта с целью его сообразования с истиной происходят в двух формах – человеческих отношений (*eros*) и долгой работе над собой (*askesis*). Нетрудно заметить, что в субъектно-деятельностном подходе С.Л. Рубинштейна это соответствует любви и труду.

Итак, субъект должен измениться, преобразоваться, стать отличным от самого себя. Действия, направленные на самоизменение, поиски, практику, опыт Фуко называет духовностью. Напомню, что Брушлинский тоже называл духовностью реализующиеся в человеческой жизни цели, устремления и смыслы (например, идею социальной справедливости). Он подчеркивал, что духовное – «это не надпсихическое, а различные качества *психического* как важнейшего атрибута *субъекта*» (Брушлинский, 2003, с. 50).

Одной из важнейших сторон духовности и духовного знания Фуко считал возможность для субъекта увидеть себя самого, увидеть таким, каков он есть на самом деле. Очевидно, что при этом речь идет о

самонаблюдении, самоанализе, самопонимании. Брушлинский также писал о том, что «по мере взросления человека в его жизни все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование и соответственно больший удельный вес принадлежит внутренним условиям как основанию развития, через которые всегда только и действуют все внешние причины, влияния и т.д. Например, воспитание духовности невозможно без самовоспитания» (Брушлинский, 2003, с. 58). Формирования субъектности в онтогенезе не может быть без обращения человека внутрь себя, потому что познание, созерцание, оценка объективной действительности неразрывно связаны с самопознанием, самосозерцанием, самооценкой.

Таким образом, и в психологии субъекта, и в герменевтике субъекта подчеркивается, что познание и понимание невозможны без изменения субъекта. Преобразование себя открывает ему другой взгляд на мир, в котором значимы иные, чем ранее, ценности. В свою очередь, ценности оказывают на человека обратное воздействие: они не только озаряют его внутренний мир новым светом, но и придают завершенность самому субъекту (понятно, что не окончательную, а временную, предполагающую дальнейшее развитие). Фокус на анализе внутреннего мира человека не случаен. Субъект познает мир избирательно, руководствуясь своими ценностными предпочтениями, оценкой возможных потерь и приобретений. Познавая, действуя, человек преобразует не только мир, но и себя. Он выходит за свои пределы, становится отличным от себя прошлого. Это и награда за новое знание, обогащающее внутренний мир, и его цена. Вместе с тем это свидетельство возникновения ценностей бытия, изменяющих экзистенциальную сущность субъекта, приобретения им новых субъектных качеств. Неудивительно, что проблема ценностей и ценностных ориентаций – одна из главных в психологии человеческого бытия (Знаков, 2008).

Третья характеристика человеческого бытия – его ценностно-смысловая экзистенциальная направленность. Человеку как существу рефлексивному присуща не только обращенность к основаниям своего бытия, но и стремление к оценке, ценностному взгляду на них. Бытие трансформируется, активно изменяется под влиянием ценностей. Основой ценностных предпочтений субъекта обычно становятся не достоверные знания, а чувства и переживания. «Отношение к бытию всегда включает ценностное отношение и выражает субъективность. В отличие от знания, которое стремится к объективности и предельному соответствию внешней реальности, ценности есть отражение внутреннего мира субъекта, воплощение его переживания внешней реаль-

ности в составе внутреннего бытия. Ценности выступают синтетическим феноменом, включающим значимость, смысл и переживание. Компонентами ценности являются интенциональность (ориентированность и конструирование идеальных объектов), символ (бессознательно-архетипический элемент), понятие (рационально-логический элемент)» (Баева, 2003, с. 17).

Ценностно-смысловая экзистенциальная направленность человеческого бытия активно исследуется современными психологами в самых разнообразных контекстах. Одним из них является анализ определения и оценки субъектом смысла собственного бытия, представленного в автобиографических текстах. Например, в диссертации Ю.Б. Шлыковой исследован «экзистенциально-чувственный» тип автобиографии. Он отражает стремление человека понять мир и происходящее в нем посредством осмысления и переживания своей жизни. Для людей с «экзистенциально-чувственным» типом автобиографии характерны понимание своих возможностей в управлении жизнью, высокий уровень осмысленности жизни. Они характеризуются высоким уровнем самоопределения, оценивают себя как гармоничных, хотя и не стремящихся к активной самореализации (Шлыкова, 2006).

Однако для психологического исследования человеческого бытия как экзистенциального феномена наиболее значима проблема смысла жизни. С точки зрения Рубинштейна смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других. Эта составляющая внутреннего мира отражена в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия.

Интересное теоретико-эмпирическое исследование взаимосвязи гендерной идентичности испытуемых и понимания ими смысла жизни и смерти недавно было проведено Л.Н. Ожиговой. С позиций субъектно-бытийного подхода она рассматривает проблему субъектности. Субъектность понимается как творческая способность человека в преобразовании среды, как свобода создавать бытие, отражающее собственные смыслы и ценности жизни. При этом свобода определяется и как аспект субъектности, и как смысл и ценность жизни личности. В эмпирическом исследовании было обнаружено, что смысл жизни как вершинный смысловой регулятор личности связан с гендерной идентичностью, возрастом и профессиональной деятельностью. В понимании и изображении испытуемыми смысла жизни феминные черты связаны с большим объемом, метафоричностью и описанием временной динамики жизни. Маскулинные черты связаны с реалистичностью,

конкретностью. Реалистичность и конкретность в изображении смысла жизни связаны с маскулинными чертами и у мужчин, и у женщин. В понимании смысла смерти к зрелому возрасту усиливается более объемное, реалистичное и движущееся во времени осознание финала жизни. Феминные черты у женщин и мужчин связаны с символическим, метафорическим пониманием смысла смерти. В общем, в понимании смысла жизни и смерти в наибольшей степени представлены две позиции. Первая – оптимистический акцент на жизни, поиск бессмертия, отрицание смерти, утверждение жизненности, витальности или тела, или духа, отказ признавать конечность человеческого существования. Вторая позиция – экзистенциальный взгляд, т.е. радость принятия жизни со всеми ее фазами и стадиями, принятие жизненного цикла и факта смерти (Ожигова, 2009).

Сегодня в психологии человеческого бытия продуктивно исследуются человеческие способы существования, проявляющиеся в различных модусах. Способ существования является атрибутом, т.е. неотъемлемым свойством человеческого бытия, а модус бытия — качество, которое характерно лишь для некоторых обстоятельств, в которых субъект сознательно делает свой жизненный выбор. В частности, в исследовании Г.Ю. Фоменко, изучавшей сотрудников силовых ведомств и спецподразделений, направляемых в командировки в районы служебно-боевого применения, а также больных с опасными для жизни соматическими заболеваниями, тщательно исследовано и убедительно обосновано существование двух модусов бытия – предельного и экстремального. Субъектам с предельным модусом бытия присуща ценностно-смысловая позиция, в основе которой находится система убеждений, определяющих значимость самореализации, отношение к экстремальным условиям как возможности саморазвития, стремление определить своё отношение к экзистенциальным вопросам бытия и смысла жизни. Для них характерна психологическая готовность к экстремальным нагрузкам, альтруистическая мотивация, мотивация самосохранения личностного уровня. Субъектов с экстремальным модусом отличает потребность в возвращении к нормальному существованию, убежденность в том, что экстремальное бытийное пространство накладывает ограничение на их эмоциональные, волевые, когнитивные компоненты поведения и самореализации личности. Таким людям присущи стремление избегать экстремальных нагрузок, эгоцентрическая мотивация, мотивация самосохранения индивидуального уровня. Представители двух модусов бытия по-разному осмысливают жизнь, встраивают свой опыт во временную последовательность, дающую ощущение непрерывности и смысла жизни. У людей с предельным

модусом экстремальные условия воспринимаются как рабочая, повседневная реальность. Переосмысление ее составляющих способствует углублению самопонимания и личностному развитию. Это результат соединения актуализируемого прошлого опыта с его переоткрытием, переживанием соотношения опыта с новой конкретикой пространственной и временной ситуации. Вторая группа воспринимает экстремальные условия как аномальные и испытывает состояние потери, утраты, отсутствие целостности в субъективной картине мира (Фоменко, 2006).

Предметом исследования в психологии человеческого бытия являются смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. Особое и, пожалуй, центральное место в психологии человеческого бытия занимают проблемы, возникающие в критические периоды жизни субъекта, т.е. тогда, когда происходит разрыв привычного существования. Это бывает при опасной болезни, утрате близких, страхе смерти у летчиков-испытателей или обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы. Научно значимыми в этом контексте являются исследования понимания разными категориями людей экзистенциальной, рациональных и эмоциональных оснований выбора у женщин, принимающих экзистенциально трудное решение об искусственном прерывании беременности, самопонимания хирургов, выполнивших неудачную операцию, и др.

Мы живем в таком мире, в котором психологические исследования критических изменяющих жизнь событий приобретают большое не только научное, но и практическое значение. Событие можно назвать критическим, если оно характеризуется следующими признаками (Перре и др., 2002):

- 1) оно всегда происходит в определенном месте и длится определенное время;
- 2) оно внезапно и коренным образом изменяет привычное течение жизни и потому требует от человека принятия решений о качественной реорганизации его бытия;
- 3) произошедшие изменения сопровождаются стойкими аффективными реакциями, а не только кратковременными эмоциями.

Критические изменяющие жизнь события называются нормативными, если их можно предсказать (поступление в школу) и они почти всегда наступают у всех членов определенного куль-

турного сообщества. «Соответственно ненормативные критические изменяющие жизнь события отличаются внезапностью и непредсказуемостью, например, неожиданная смерть кого-то из близких» (Перре и др., 2002, с. 362).

Предметом наших психологических исследований в течение последних десяти лет было понимание людьми ненормативных критических событий человеческого бытия. Основным замысел состоял в том, чтобы осуществить анализ событий, имеющих отношение ко всему периоду онтогенеза человека – от рождения до смерти: понимание моральной допустимости аборт, террористической угрозы, эвтаназии.

По нашему мнению, как названные, так и другие направления психологических исследований отражают не только проблемные точки психологии человеческого бытия, но и перспективы ее ближайшего развития.

Библиографический список

- Анкерсмит Ф.* Возвышенный исторический опыт. М., 2007.
- Баева Л.В.* Ценностные основания бытия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 5.
- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. М., 2006.
- Брушлинский А.В.* Избранные психологические труды. М., 2006.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта. М.; СПб., 2003.
- Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2.
- Знаков В.В.* Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. № 3.
- Знаков В.В.* Ценности как проблема психологии человеческого бытия // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М., 2008.
- Кричевец Л.Н.* Многоэтажная психология. Эскизный проект. О проблемах и проблемных ситуациях научного познания человека в знаниевом пространстве современности (соображения, обсуждение, предложения) // Мир психологии. 2005. № 3 (43).
- Кукарцева М.А.* Вместо введения // Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М., 2010.
- Лабунская В.А.* Интерпретация невербального поведения как социальная способность // Познание в структуре общения / под ред. В.А. Барабанщикова и Е.С. Самойленко. М., 2009.

Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. акад. РАН В. А. Лекторский. М., 2009.

Личность и бытие: субъектный подход: материалы науч. конф., посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина. М., 2008.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988.

Ожигова Л.Н. Проблема субъектности: гендерная идентичность и свобода как смысл жизни личности // Субъектный подход в психологии. М., 2009.

Перре М., Лайрейтер А.-Р., Бауманн У. Критические, изменяющие жизнь события (макрострессоры) // Клиническая психология / под ред. М. Перре, У. Бауманна. СПб., 2002.

Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психогогика. М., 2005.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.

Самосознание: мое и наше. К постановке проблемы / отв. ред. Ф.Т. Михайлов. М., 1997.

Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни // Тенденции развития современной психологической науки: тез. юбилейной науч. конф. / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М., 2007. Ч. 1.

Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М., 2005.

Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар, 2006.

Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981/82 учебном году. СПб., 2007.

Харре Р. Конструкционизм и основания знания // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. акад. РАН В. А. Лекторский. М., 2009.

Хаузер М.Д. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / под ред. Ю.И. Александрова. М., 2008.

Шлыкова Ю.Б. Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.

Vohme G. Sense and counter-sense: On the Deconstruction of stories // Journal Studia Culturologica. 1994. Vol. 3.

Grace S.L., Cramer K.L. The elusive nature of self-measurement: The self-construal scale versus the twenty statement test // J. Soc. Psychol. 2003. Vol. 143, № 5.

Singelis Th.M. The measurement of independent and interdependent Self-construals // Person. and Soc. Psychol. Bull. 1994. Vol. 20, № 5.

3.2. ОНТОПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ¹

Панораму современной отечественной психологии невозможно представить себе без интенсивно развивающихся экзистенциальных подходов. Одной из наиболее примечательных тенденций развития психологической науки на рубеже веков специалисты считают «смещение интересов большей части психологов с когнитивной парадигмы на экзистенциальную, переход от изучения отдельных психических процессов и явлений к анализу целостных ситуаций человеческого бытия» (Знаков, 2005, с. 122). Последнее – переход к принципиально иным единицам описания и анализа психологической реальности – является особенностью экзистенциального подхода. Его ведущий представитель в западной психологии Р. Мэй полагает, что для экзистенциалистов «важны не отдельные психологические реакции, а скорее психологическое бытие человека существующего, который осуществляет свой опыт», а психологическая терминология в экзистенциальных подходах используется «в онтологическом смысле» (Мэй, 2004, с. 56). Привлекательность экзистенциально-психологического направления в немалой степени связана с возможностью преодоления традиционной ориентации психологии исключительно на изучение отдельных психических феноменов, преодоление ограничений, которые связаны с *«проблемой игнорирования в психологии онтологических оснований человеческой жизни*, когда нивелируются проблемы пространственно-временной развертки бытия, включая проблемы предметности, реальности и действительности мира» (Клочко, 2008, с. 47).

Одного этого достаточно, чтобы обеспечить экзистенциальным подходам особое место в фундаментальной психологии нового века. Другим основанием этой перспективы служит то, что в практическом отношении именно экзистенциальная психология ориентирована на решение тех жизненных задач, которые современная реальность ставит перед человеком. История становления психологической практики

¹ Автор данного параграфа – Н.В. Гришина.